

"Не признаю ни стран и ни границ
Есть лишь разливы вод, есть твердь небес и суши.
Есть Книга Судеб, где на каждой из страниц
В тисках безвременья томятся наши души".

Так посредством главного героя автор декларирует свое кредо — нас всех, независимо от страны пребывания и даже с учетом уникальности каждого индивидуума, роднят проблемы личности и эгоизма. Не этим ли в России вызван интерес к роману писательницы Мариам Юзефовской "Бесаме мучо"?

Мариам ЮЗЕФОВСКАЯ

Бесаме мучо

...Новая жизнь все больше и больше поглощала Нюсю. Она даже не замечала, как постепенно начала отходить от Нюсика. Только с дочерью и отводила душу, рассказывая о своей работе, о прогулках по городу. Муж, едва она заводила об этом речь, отмахивался и угрюмо обрывал ее: "Помолчи. Надоело". И уходил в другую комнату. Нюся ломала голову: то ли притворяется, то ли ему действительно неинтересно. А она открывала для себя новый мир, и главное — что может жить одна, без Нюсика. Словно тот человек, которого любила, чьей неотъемлемой частью давно привыкла себя считать, остался за океаном. Однажды сделала попытку примирения. Придя домой, прошла в комнату, где обосновался Нюсик, села на его диван и, сама не веря в свои слова, устало сказала: "Послушай, давай попробуем жить по-человечески, как прежде". "Не мешай, — грубо отрезал он, — выйди и не смей заходить сюда без стука". Она, сама не зная зачем, начала все же объясняться, что да, что-то сломалось между нами, но все еще можно исправить. Нюсик, нажав на кнопку пульта, усилил звук телевизора и притворно засмеялся. Шло какое-то шоу. И не понимая в нем ни слова, он смотрел его, как немое кино. Когда Нюся, наконец, ушла, открыл настежь окно, чтобы проветрить комнату. Он ненавидел приторно-сладкий дух, источаемый кремами и помадой. Это ассоциировалось у него с продажной любовью, которую ради любопытства испробовал в юности. И потому, когда сошлись, строго-настрога запретил Нюсе всякие женские уловки, внушая: все должно быть натуральным. "Красота или есть, или ее нет. У тебя с этим делом все в порядке". И, словно удостоверившись в сказанном, начинал оглаживать ее. Нюся заливалась счастливым смехом: "Мороз-воевода дозором обходит владенья свои". Ластясь точно кошка, подставляла всю себя его губам, ладоням и страшно гордилась тем, что с пер-

вого дня их близости он как бы стал хозяином ее тела. И то, что теперь напуженная, напудренная, с подведенными глазами, она смела появляться перед ним в таком непотребном виде, вызывало бешенство. Нюсик воспринимал это как вызов. А ее попытка примирения казалась лживой уловкой, имеющей скрытую подоплеку. "Хочет затащить меня к себе в постель, "бесамы", видите ли, ей захотелось", — злорадно думал он.

За годы совместной жизни у них накопилось множество знаков и словечек, понятных лишь им двоим: ласкательных, смешных, порой не очень приличных. Но "бесама" было самым главным. В молодости во время какой-нибудь вечеринки или застолья Нюсик цепко брал жену за руку и при всех, дерзко улыбаясь, тоном капризного ребенка говорил: "Нюсенок, хочу бесаму". Она краснела, прерывала разговор и, следуя за ним, ускользала в прихожую, где оба поспешно напяливали пальто и убегали, ни с кем не прощаясь. Они выскакивали на середину мостовой, останавливали первую попавшуюся машину. И мчались домой. При этом Нюсик садился рядом с шофером, подгоняя его дикими историями об оставленной горячей плите, рыдающем ребенке и взбодривая обещанием сказочных чаевых. А Нюся, сцепив зубы, беззвучно плакала от смеха на заднем сидении. Изредка оборачиваясь назад, он с фальшивым участием говорил хорошо поставленным актерским голосом: "Потерпи, мой дружок. Мы уже почти у цели". И показывал ей сплетенные пальцы, что на их языке означало страстную "бесаму". Эта двусмысленность вызывала у нее новый бешеный приступ смеха.

На улице бесновалась метель. Попав в колодец двора и пометавшись между стенами домов, усмирялась, утихала, стелилась покорной поземкой. Нюсик отошел от окна и окинул взглядом комнату — разномастные стулья, колченогий комод, стол с ободранными ножками, продавленное кресло. Вся эта мебель по приезду была ими подобрана на свалке, а затем Нюсиними руками вымыта, вычищена и застелена пестрыми шальями, накидками, салфетками. И это желание замаскировать унижительную нищету, которая все равно проглядывала то там то здесь, угрюмо демонстрируя выбоины, извилистые следы шашеля и глубокие царапины, вызвало в Нюсике прилив ярости. Он начал со злобой срывать пестрые куски материи, призванные скрыть убогую действительность их нынешней жизни. "В этом она вся, со своей показухой, фальшью, обманом, — Нюсик с ненавистью топтал жалкие тряпки, точно в них было заключено все зло мира, — я презираю эту бабу, хоть она и содержит меня". Теперь он Нюсю иначе как бабой не называл, добавляя при этом те самые грязные позорные сло-

ва, которые были в ходу в компании прыщавых подростков их местечка. И вдруг увидел на полу тряпичную куклу. Не отдавая себе отчета, нагнулся и взял ее в руки. Она была старая, потрепанная. Нюся сшила ее для Алены, когда той исполнился год. Кукла получилась потешная — с крошечным алым ротиком, черными дугами бровей и широко раскрытыми голубыми глазами. Алена назвала ее Мама Нюта. Нюсик бережно расправил на ней пестрое платье и начал пристально разглядывать, точно увидел в первый раз. Внезапно понял, что она чем-то неуловимо напоминает ему юную Нюсю: то же наивное выражение лица, та же распахнутость глаз. В тот же миг в нем ожил прежний свежий запах ее кожи, схожий с запахом проклюнувшейся молодой листвы. И это вызвало новый прилив ярости. "Ненавижу!" — выдохнул он сквозь стиснутые зубы, отшвырнул от себя куклу и с маху бросился на диван. Накрылся с головой одеялом, повернулся лицом к стене. И тут в глубинах его тела возникло желание. Скорчившись, он крепко сжал взбунтовавшуюся плоть и неожиданно для себя всхлипнул.

...Вскоре Алена заметила разлад между родителями:

— Ма, тебе не кажется, что ты потихоньку отбиваешься от дома? Что происходит между тобой и папой?

— Мы с ним практически не видимся, — смутилась Нюся, — прихожу — он уже спит. Ухожу — он еще спит, — начала оправдываться она.

— Ты махнула на него рукой, — сурово оборвала дочь.

Нюся засуетилась, как провинившаяся школьница, стала отнекиваться. Но в душе понимала — дочь права. Она давно уже старалась как можно реже бывать дома. "У меня ни сил, ни времени", — оправдывалась перед собой, осознавая в то же время, что в ней проклевывается другой человек — жесткий и эгоистичный. Нынешний Нюсик, выгоревший дотла, стал ей неинтересен. А его внезапно вспыхивающая злобность были нестерпимы. В ней давно угасло желание ощущать его рядом с собой. И когда он окончательно перебрался в другую комнату, в душе была несказанно рада. Казалось, их, на протяжении многих лет тесно спаянных, сросшихся точно сиамские близнецы, кто-то безжалостно отделил друг от друга. И теперь каждый должен был научиться жить в этом мире поодиночке.

"Не могу больше с ним находиться под одной крышей", — однажды призналась она дочери. И как только это произнесла, ей вдруг стало ясно — она хочет уйти от Нюсика.

— Папу нельзя оставлять одного в таком состоянии, — закричала Алена.

— Тебя не интересуют мои чувства! — воскликнула Нюся, — я ведь тоже человек.

— Если уйдешь от папы, ты мне больше не мать! — Алена швырнула трубку.

"Моя дочь пытается мной манипулировать как куклой", — с горечью подумала Нюся, вслушиваясь в частые гудки. Она долго колебалась, откладывая мучительный разговор с мужем. Иногда в ней просыпалась детская вера в чудо. Она представляла, что Нюсик грубо и властно, как прежде, скажет: "С чего это ты надумала? Совсем сбрендила?!". И они начнут все заново. А потом вдруг пугалась: "Он будет цепляться за меня. И я не смогу его бросить. Тогда все затянется на неопределенный срок. А может быть, и до конца жизни. Разве мало пар, которые тянут свою лямку изо дня в день, уже ни на что не надеясь? Нет, я не хочу повторять жизнь моих родителей", — твердила она.

Все решилось просто и буднично. В воскресенье утром они неожиданно столкнулись на кухне. Она уже собиралась улизнуть из дома. Но тут Нюсик вышел из своей комнаты в обвисшей майке с трехдневной щетиной на лице, подошел к холодильнику, открыл его и застыл в раздумье. Это глупая привычка всегда нервировала Нюсю. Но раньше она приписывала ее тому, что муж, погруженный в мысли о театре, просто не замечает жизненной мелочевки. "О каких глобальных проблемах он думает сейчас?" — мелькнула досадливая мысль. И вдруг ее раздражение прорвалось наружу:

— Закрой холодильник. Эта рухлядь дышит на ладан. Отсюда нужно съезжать.

— Переезжай одна, так будет лучше для нас обоих, — угрюмо сказал он.

Через неделю Нюся нашла по объявлению недорогую крохотную квартиру. Чтобы отрезать себе путь к отступлению, сразу внесла задаток. Хотя мысли об Алене не выходили у нее из ума, при этом Нюся ощущала в душе странную холодность и даже озлобленность. "Отец для нее как икона. Она молится на него и все ему прощает. Я у них всегда была сбоку припек, девочка на побегушках". Съезжая, из общих вещей взяла немного постельного белья. Почти все оставляла Нюсику за исключением чудом уцелевших из их разоренного прошлого кое-каких мелочей, которыми страшно дорожила. Среди них был дешевый металлический зажим для галстука, впопыхах купленный ею для Нюсика по случаю вручения ему награды за постановку "Швейка", ее непарная пластмассовая клипса, подделка под перламутр, вторую потеряла в его номере в гостинице в ту ночь, когда родилась их "бесамма". Поколебавшись, прихватила еще тряпичную куклу Маму Нютю.

Нюсик в дела жены не вникал. Теперь, когда им была утеряна власть над ней и ее телом, он вдруг почувствовал, что Нюся стала ему совершен-

но безразлична. И это новое чувство несказанно обрадовало. Точно сбросил тяжкую ношу. В нем возникло давно забытое ощущение свободы, легкости и даже уверенности в себе. Он начал строить планы: "Выйду из этой добровольной тюрьмы, куда сам себя заточил. Устроюсь на работу, безразлично какую, лишь бы содержать себя. И покончу с этим позором, с зависимостью нахлебника".

Прошло какое-то время, и он вдруг начал ощущать щемящую тоску. "Неужели причина в этой бабе? Разве она так много значит для меня, и я не смогу без нее существовать? Но это абсурд! Жил же до нашей встречи, даже бывал счастлив". Нужно было немедленно прояснить природу этой тоски, до конца понять. Иначе было неясно, как в дальнейшем с ней уживаться: дышать, спать, двигаться. Чтобы успокоиться, стал, рассуждая, расхаживать по квартире. "Из-за кого я убиваюсь? Из-за этой приспособленки? Там она пылинки с меня сдувала. Потому что я был известен, имел имя. А здесь чуть ли не с первого дня стала смотреть сверху вниз, словно я ничтожество, и указывать, как жить. А едва стала на ноги — бросила. Но разве человек может так разительно измениться за год? — спросил он себя. — Вероятно, я многого не замечал. Ведь главным всегда была работа. Не ври, — бесстрастно уточнил Нюсик. — Не работа, а успех у публики. Пошли дальше. Итак, ты считаешь, что там она использовала тебя? А помнишь, как ты изображал из себя мачо? Когда не ладилась работа, и жизнь для тебя теряла вкус, делал вид, что приударяешь за кем-то. Это встряхивало ее. Она в возбуждении начинала часто облизывать губы. Они чуть обветривались, слегка вспухали, становились пунцовыми, а каемочка, очерчивающая их, коралловой. Ты дергал ее за ниточку, как марионетку, а потом исподтишка наблюдал за вскипающей в ней яростью. По опыту знал — все переплавится в такой жар, что вы оба несколько недель будете ходить как шальные. В театре поражались вашему нескончаемому медовому месяцу, и никто не догадывался, что ты, провинциальная посредственность, намеренно держишь ее в струне. Конечно, способный и вдобавок упертый. Но таких великое множество! Имя вам — ремесленники. Великое, Божеское — не для вас. Поэтому каждый новый взлет для тебя был мукой. Ты постоянно нуждался в трамплине. И этим трамплином тебе служила Нюся. Она должна была опять и опять отвоевывать тебя. На волне ее обожания тебе иногда удавалось прыгнуть выше своей головы. Так кто кого использовал? Это ты ее всегда рассматривал только как свою функцию. Она обязана была следовать за тобой, подчиняться

твоим порывам, замыслам, планам. Но все развалилось — вначале империя, в которой вы жили, затем тот мирок, что вас окружал. С тебя облезла вся позолота, не стало ни декораций, ни свиты. Вот тогда Нюся, наконец, разглядела тебя. И увидела, что ты никакой не король, не гений, а обыкновенная бездарность. А как добытчик — полное ничтожество".

То ли от этих гнетущих мыслей, то ли от знойной влажности нью-йоркского лета ему стало невыносимо душно. Он подошел к окну и рывком его открыл. Из колодца двора пахнуло застоявшимся раскаленным воздухом. На стене дома гибкий вьюнок с пожелтевшими пожухшими листьями рвался к свету, упрямо цепляясь за поросшие лишаем кирпичи. "Все живое хочет жить, — подумал он, — но ведь и она часть природы. Хотя наверняка этого не осознает. Что с того, что приспособленка? Разве ее учили воздействовать на обстоятельства? Ей вдолбили, что она должна приноравливаться к ним. Ею всегда кто-то помыкал: вначале мать, потом — ты, теперь какая-нибудь миссис Смит. И неизвестно, что лучше — тихо плыть по течению жизни или быть лживым рабом. Помнишь, как ненавидел, проклинал и втихомолку подтачивал ту систему, за что срывал дешевые аплодисменты от таких же рабов, как ты? Как в то же время принимал подачки и награды? Гордился ими. А когда система рухнула, ты стал вольноотпущенником, и оказалось, что свобода тебе не по зубам. Ты даже не можешь заработать на кусок хлеба насущного, — Нюсик едко усмехнулся. — Хочешь продолжать игру в куклы, не вникая в действительность? Парения не хватает? Тебе удалось несколько раз, похлопав крыльями как петух, оторваться от земли и пролететь пару шагов! Что из того? Приземлялся ты у той же навозной кучи и опять тянул свою лямку! — он обхватил голову руками. — Господи, о чем я? Весь вопрос в том, как дальше жить", — почти сломленный, прошептал он.

...В один из дней Нюсик оказался вблизи разоренного, давно не работающего луна-парка, над которым возвышалось застывшее, покрытое ржавчиной чертово колесо. Увидел заброшенный павильон с небольшой сценой и вдруг подумал: "Здесь можно было бы поставить мою пьесу "Рай". Этот вид на океан выразительней любых декораций. Бездонный простор — вот что нужно! Ведь на земле еще ничего нет". Он вернулся домой, когда уже стемнело. Вытащил Еву из футляра, посадил в углу дивана. И, обращаясь к ней, точно к живой, произнес: "А ведь ты и Адам — маррионетки в руках Творца! И ваше изгнание из рая — трагедия, поставленная ИМ в назидание. Но кто в ней мы, люди? Лишь зрители? Или нам отведена роль массовки, греческого хора, вторящего героям: "О, горе вам,

низверженным из рая!"? Может, мы — призраки вашей вины, неотступно следующие за вами по пятам? Жертвы первородного греха? Или каждый из рода человеческого обречен переживать трагедию собственного грехопадения? Меняются лишь костюмы и декорации в зависимости от эпохи". И вдруг почувствовал, как у него похолодело в груди. Это был знак, которого, случалось, ждал месяцами. Поспешно схватил лист бумаги, начал записывать: "Адам и Ева — напольные куклы. Мотивы — инстинкт, страсть. Театр теней — преследующие их призраки вины. Но главное действие на авансцене! — забормотал, торопливо черкая, чтобы ничего не упустить. — Живые актеры: мужчина и женщина из плоти и крови. Их страсть и грехопадение, — он прикрыл глаза. Представил танцовщицу в телесном трико, сладострастно изгибающуюся и протягивающую между ног символ похоти — алый шарф. Лицо ее было разительно похоже на Нюсино. — Но концовка?! — он задумался. — Не могу нащупать верного хода. Мы скользим по поверхности жизни, как водяные пауки по речной глади, не вникая в суть и боясь познать всю ее глубину. Скрыты сами от себя толщей условностей. Что движет нами? Какое начало? Телесное? Духовное?" Развернул лист обратной стороной и записал сразу без помарок:

В этом мире вещей и идей,
В море горьких ошибок, потерь
Наши души — сиротские дети,
Ищут нас средь пожарищ страстей.

...Вскоре Нюсик начал осваивать Манхэттен. Выйдя из метро, подхваченный нескончаемым людским потоком, он оказался перед двумя рядом стоящими небоскребами, устремленными к облакам. Подняв голову, любовался ими. И его охватила гордость за человеческий род. "Как это несовершенное существо, распятое между низким и высоким, незащищенное перед раздирающими его страстями и разрушающим временем, оказывается способным на такое?!" — с восторгом подумал он. И смешавшись с разноликой толпой, почувствовал единение с ней. Его поражала разумная стройная планировка улиц, блистающие стеклом и металлом громады зданий, перемежающиеся храмами. Проходя мимо церкви с высоким портиком и массивными колоннами, услышал русскую речь и замер от неожиданности. На ступенях стояли люди с фотоаппаратами и камерами, а пожилой гид в бейсбольной шапочке что-то рассказывал.

— Перед вами собор святой Женеьевы, — подойдя поближе, услышал Нюсик. — Посмотрите на двери. Это копия фасада Нотр-Дам. Они были вывезены из Франции, и на целый век старше самого собора.

Преодолевая неловкость, Нюсик обогнул экскурсантов, поднялся вверх по ступеням и приблизился вплотную к резным дверям.

— Как видите, внизу изображена сцена искушения: Адам, Ева и обвившийся вокруг дерева змей с лицом женщины. Наверху — сцена "Покаяние". Слева — кающийся Адам с протянутой рукой, как бы умоляющий Творца: "Подними из греха меня!". Справа — торжествующая Ева. Обратите внимание на ее улыбку. И между ними — Дева Мария с Младенцем в окружении ангелов. Это уникальная копия. Я даю вам десять минут на съемку, и далее мы с вами направимся в место, где протекает художественная жизнь города, так называемый нью-йоркский Монмартр, к отелю "Сохо гранд".

Гид отошел в тень платана и закурил. Нюсик, не в силах сдержать волнение, робко приблизился к нему.

— Скажите, как по-вашему, в чем смысл этой композиции? Почему в фрагменте "Покаяние" между Адамом и Евой — символ непорочного зачатия?

— Простите, вы из нашей группы? — мужчина окинул Нюсика внимательным взглядом. — Я вас что-то не припоминаю. Если хотите, можете присоединиться сейчас. Учítывая, что вы пропустили начало, с вас пятнадцать долларов.

Нюсик покраснел, точно его уличили в краже. Ему хотелось объяснить: дело вовсе не в экскурсии. А в том, что людской род оказался в западне. Потому что все мы — и предки, и ныне живущие, и потомки — обречены на грех уже фактом своего рождения. Как разорвать этот круг порока? И если общими усилиями найти ответ на мучительный вопрос, то это изменит не только наши собственные жизни, но жизни многих других: и бездумно щелкающих фотоаппаратами экскурсантов, и куда-то спешащих прохожих.

Он пристально посмотрел гиду в глаза, понял — все напрасно. Извинился и отошел в сторону. Дождавшись, когда группа сядет в автобус, вновь поднялся на ступени, вплотную подошел к двери и начал пальцами, точно слепой, ощущивать теплую от солнца резьбу. Постоял несколько минут в задумчивости и пошел в сторону океана. "Парадокс, — размышлял он, проходя по Уолл-стрит мимо здания биржи, — я хочу разгадать тайну целого. А сам — его мизерная частица. Значит, и во мне заключена доля этой тайны".

Сипорт встретил его прохладным солоноватым ветром, деловито снующими яхтами и трехмачтовым парусником, пришвартованным у дебаркадера. Дощатая пристань с бухтами просмоленных канатов и стоящими между ними скамейками соединялась с мощенной булыжником площадью живописно выгнутыми мостиками, украшенными разноцветными флажками.

Нюсик огляделся вокруг. Двух-, трехэтажные старинные здания с узкими маленькими окошками, забранными витыми чугунными решетками, кадки с живыми цветами и скверик, огороженный невысокой литой изгородью, показались ему смутно знакомыми. Точно видел когда-то во сне. На старинных часах в центре площади пробило шесть. И словно откликаясь, в ближайшей церкви зазвонили колокола. Вслед им раздался басовитый гудок, к пристани причалил однопалубный кораблик. Из него высыпали туристы. И тотчас все ожило. Открылись двери лавочек и ресторанчиков, забегали официанты, вынося на улицу столики. Показались зазывалы: кто в пиратском костюме, кто на ходулях, кто в костюме Микки-Мауса. Под часами заиграл маленький джаз-бэнд. На пристани появилась девушка в короткой юбочке черного кружева. Вскочив на одну из скамеек, она стала отплясывать канкан, высоко поднимая ноги. А на углу, на маленьком помосте в виде барабана, который услужливо подкатил негр, неподвижно застыла египетская мумия, облаченная от макушки до пят в золотой балахон. И лишь подойдя совсем близко, по ярким белкам глаз и движению зрачков можно было догадаться, что внутри живой человек.

Кораблики причаливали один за другим, площадь наполнялась, зажглись фонари, огни витрин и гирлянды маленьких разноцветных лампочек, обвивающих стволы и ветви деревьев.

Он попал в сказочный нарядный мирок, словно наконец-то осуществилась мечта его серого местечкового детства. С этого дня загорелся идеей попробовать себя в Сипорте. Единственное, что останавливало, — программа. "Марионетки здесь не диковинка, — рассуждал Нюсик, — для представления с перчаточными куклами нужен сюжет, текст". Ему хотелось создать нечто новое, поражающее воображение подстать этому праздничному миру. Внезапно осенило: а что если поставить фрагмент "Рая", танец Евы и Адама?! "Но где взять деньги на костюмы, маски, на еще одну куклу в человеческий рост? И как быть с ассистентом? Ведь одному с двумя куклами не управиться", — думал он по пути к дому.

Доставая из кармана ключ от двери, замер точно вкопанный: "А разве театр — не желание тиражировать свое "я" в сознании зрителей? Что это? Видоизмененный инстинкт размножения? А если так, то религия, философия, искусство — попытки воспроизводства подобных не телом, а духом! Быть может, это и есть непорочное зачатие?! Так вот в чем грех Адама! Он овладел Евой, как животное, не одарив ее и частицей души, которую вдохнул в него Творец". Эта оформившаяся мысль поразила Нюсика. "А чем ты лучше? — с тихой печалью спросил себя. — Разве хотел по-

делиться с Нюсей шепоткой своего "я"? Хотя какой может быть спрос с нищего духом?"

...Наступала осень. Уже начались дожди, и порывы ветра, срывая багровые листья с деревьев, швыряли их пригоршнями на серый бульжник. Иногда, оставив футляр с куклами в закускойной, где его уже знали, Нюсик отправлялся бродить по Манхэттену. В один из таких дней ноги сами привели его в Сипорт. Он дошел до пристани и, глядя на медленные ленивые волны, подумал: "Я всегда был частью чего-то: государства, театра, семьи, той жизни. Все кончилось, прошлое рухнуло. Теперь свободен от всех связей и пут. Отдельная единица. Отныне могу быть самим собой. Но эта разруха сломала мне хребет. На поверку оказалось, что вольная жизнь мне не по плечу. Значит, свобода не для меня?"

Начало моросить. Нюсик подошел к витрине запертой на зиму лавочки, машинально росчерком нарисовал на мокром стекле парящую в полете птицу. "Два крыла — страдание и наслаждение — движут человеком, — пробормотал он, — как всякий раб, я хочу только наслаждений. Но если бы не было падений, разве человек ощущал бы радость взлетов? Падать и подниматься. Быть может, каждое падение — новая ступень для подъема? Хорошо, я готов принимать удар за ударом. Но в чем конечная цель? Куда и к чему я стремлюсь? Мне нужно за что-то зацепиться. Во имя чего вся эта канитель? Или пора научиться жить, как многие, бессмысленной растительной жизнью?"

Вечером того же дня записал в красную коленкоровую тетрадь:

Быть неприкаянной частицей мироздания
В плену времен, страстей и бытия.
Томиться, жить, как в зале ожидания,
Терзаясь, выбирать меж властью Мы и Я.

...В начале ноября он решил перебраться в метро. Долго колесил по разным веткам. Выходя на остановках, приглядывался к толпе. В конце концов, облюбывал остановку на 42 улице, где скрещивались маршруты всех районов Нью-Йорка. Вечером решил посоветоваться с дочерью.

— Отличное место, папа, — рассеянно одобрила она и добавила, словно невзначай:

— А знаешь, Энрико начал репетировать со мной большую сольную программу.

— Кто это Энрико? — насторожился Нюсик. — Ты никогда о нем не говорила.

— Наш хореограф, — Алена запнулась. — Папа, я взрослая женщина!

— Ты его любишь? — у Нюсика почему-то пересохло в горле.

— Мы партнеры. Ну да, секс. Что тут особенного? — выпалила дочь. — Пока приглядываюсь к нему.

— Что ты имеешь в виду? — осторожно спросил Нюсик.

— Я — не мама. Ты для нее с самого начала был существом высшего порядка. Оттого ей не по плечу оказалось видеть тебя потерянным. Это не для меня. Не желаю ни на кого смотреть снизу вверх. Вообще-то я устала от вашего раздора, — печально сказала она, — сколько мне еще ходить в сиротах? Пора вам съезжаться.

— Твоей матери теперь нужен другой мужчина, — с запинкой произнес Нюсик. Это была та рана, которая саднила не переставая.

— Папа, я догадываюсь, о чем ты говоришь. Но пойми, главное, чтоб рядом была родная душа.

Нюсик окончательно смутился. И чтобы сменить разговор, спросил:

— Вы с Энрико вместе едете работать во Флориду?

— С чего ты взял? — удивилась Алена. — Я даже еще не говорила с ним насчет "Пальмового берега". Боюсь, проболтается.

— Ты ему не доверяешь? — удивился Нюсик.

— При чем здесь доверие? По договору обязана предупредить за две недели до ухода. Другое дело, что это выпадает на Рождество, и трудно найти замену. Но это не моя проблема. Где гарантия, что как только я скажу, меня сразу же не вышвырнут под каким-нибудь предлогом? И тогда я повисну в воздухе на месяц.

— Не понимаю ваших отношений, — помолчав, откликнулся Нюсик.

— Я не хочу повторять мамину ошибку. Поэтому никаких восторгов и кумиров — раз, и душа на запоре — два, — отрезала Алена.

...Первый день на 42-ой Нюсик работал с марионетками. До обеда его картонная коробка для денег оставалась почти пустой. Люди пронеслись мимо, обгоняя друг друга, не оглядываясь по сторонам, напряженно глядя прямо перед собой. И лишь после полудня вокруг него начал собираться народ. Приунывший было Нюсик воспрял духом. Но тут подошел высокий чернокожий мужчина с коляской и, хмуро глядя на Нюсика, отрывисто произнес какую-то фразу. Нюсик, не понимая ни слова, но ощутив холодок, пробежавший вдоль спины, на всякий случай улыбнулся и дружелюбно кивнул, не прерывая работы. Мужчина, гневно вытаращив глаза и вращая белками, выкрикнул что-то и поддал ногой коробку с деньгами. Монеты покатались по цементному полу. Нюсик, точно зачарованный, следил, как они скатываются через решетку на нижнюю платформу, как мчатся под уклон прямо под ноги прохожим.

Пинком отбросив коврик Нюсика, мужчина начал раскладывать свои вещи. Достал усилитель, саксофон и складной стульчик. По-хозяйски уселся, опершись спиной о стену и перекинув ногу на ногу. Приложив к губам саксофон, издал несколько пронзительных звуков, точно примериваясь. Нюсик, презирая себя и внутренне корчась от униженности, под настороженным взглядом мужчины уложил в сумку коврик и марионетки, собрал оставшиеся деньги, сошел вниз по лестнице. Постоял, прислушиваясь к звукам саксофона. Мужчина играл что-то слашавое, то и дело сбиваясь и фальшивя. И это отчего-то несказанно обрадовало Нюсика, словно развязывало ему руки. Он представил, как со всего маха ударяет по раструбу саксофона. Как откидывается назад голова с вытянутым затылком, вся в обрамлении множества косичек мелкого плетения, а из толстых, словно вывороченных, ярко-красных губ течет алая струйка крови, стекая на подбородок.

Нюсик взлетел вверх по лестнице и, став напротив, несколько секунд вызывающе смотрел на него в упор. Потом расстелил коврик и начал работать, подлаживая танец марионеток в такт мелодии саксофона. Около него снова начали останавливаться зеваки, бросать деньги в его коробку. Саксофонист вскочил, в ярости затряс кулаками. Кинулся к Нюсику, расталкивая всех на своем пути. И тут Нюсик, скорчив уморительную гримасу, стал изображать драку. Марионетки хлестали друг друга, бились на кулачках, лягались, выкрикивая ругательства разными голосами, переходя с визгливого тенора на низкие басы. Толпа, уже окружившая Нюсика плотным кольцом, то и дело взрывалась хохотом и восхищенными "вау".

Саксофонист, ощерившись, круто повернулся и ушел. Нюсик, проработав еще с час, собрал вещи, нырнул в толпу, вскочил в первый попавшийся поезд. А дома, достав из ящика кухонного стола перочинный складной нож, открыл его. Попробовал пальцем лезвие. Недовольно покачал головой. "Вот тебе и высокая философия, — издевался над собой, разглядывая нож, — человечка лишь чуток поскрести — и предстанет образина с когтями и клыками. А туда же, тайнами природы интересуемся. Смысл жизни ищем. Но все просто: мы и есть часть этой дикой природы. Если завтра этот тип сунется, я его пырну". На ручке ясно была видна надпись "Завод им. Красного Интернационала". Нюсик громко рассмеялся.

На другой день после обеда опять появился саксофонист с тележкой. Увидев Нюсика, он застыл на месте, словно не веря своим глазам. Потом оскалился и грозно двинулся в его сторону. Нюсик подумал о перочинном ножике, который лежал в часовом кармашке брюк. Бросил презритель-

ный взгляд и цыкнул слюной под ноги саксофонисту. Он хотел крикнуть что-то вроде: "Ну, давай, падлока! Бей! Шо стоишь?". Так у них в местечке начинались драки между мальчишками. Но тут вдруг вспомнил, что саксофонист ни слова не понимает по-русски. Его стал неудержимо душить нервный хохот. Не выдержав, Нюсик громко прыснул. Саксофонист оторопело попятился, выругался и пошел вниз по пандусу, толкая перед собой тележку и бормоча: "Крэйзи! Хи из рили крэйзи!".

...Новый год Нюсик встречал дома один. Купил шампанское, покрыл стол скатертью, поставил два бокала, откупорил бутылку. И тут позвонила Алена:

— Папа! С Новым годом! С новым счастьем! Только что закончилось мое первое выступление в "Пальмовом берегу". Приняли на ура. Я бисеровала три раза. Здесь очень сильный хореограф, он работал три года в Питере. Не то, что Энрико, у которого за душой год учебы на Кубе. Его конек — падебаск. Но не более.

— То есть ты разочаровалась в нем? — сухо спросил Нюсик. Ему вдруг стало обидно за этого Энрико, которого он никогда не видел в глаза. Нюсик и сам не мог понять, в чем дело, но ему вдруг показалось, что эта обида имеет прямое касательство к разрыву между ним и Нюсей.

— Ну да, он репетировал со мной, — холодно ответила Алена, — в конце концов, это его обязанность.

— Но разве вы не жили вместе? — вырвалось у Нюсика.

— Одно дело работа, другое — наши отношения. И потом, ты плохо себе представляешь Энрико, — Алена рассмеялась, — его идеал семьи: пяток детей, пасущихся в патио, сиеста в гамаке, натянутом между пальмами, и вечно беременная жена. Знаешь, какая у него любимая поговорка? "Му-чо травахо, пако песо. Много работы, мало денег". Ты не представляешь, что такое лень мексиканского мужчины, родившегося в состоятельной семье. Это не для меня.

— Раньше ты так не думала, — продолжал упорствовать Нюсик.

— Обстоятельства меняются, — с ноткой раздражения откликнулась Алена. — Я ничего ему не обещала. Пойми, у меня есть обязательства только по отношению к своей семье: это ты и мама. Я очертила круг и в ближайшее время не собираюсь его расширять. Не могу и не желаю растрчивать себя на все человечество. И вообще, брак нужен не в молодости, когда страсти бушуют, а в зрелости и старости.

— Быть может, ты права, — задумчиво откликнулся он.

И только когда Алена положила трубку, Нюсик вспомнил, что так и не поздравил дочь с Новым годом.